E23 — 260

E23 260

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА № 30

АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ

Москва—1918 г.

E23 — 260

Т-во «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ»

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА № 29

Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ

Москва—1918 г.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25115 1971 г.

Москва—1918
Типографія К. Л. Меньшова
Арбатъ, Никольскій пер., д. 21

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ

I

«Милый другъ, вы оказались правы, я—просто искатель приключеній. Понялъ это сію минуту за письмомъ къ вамъ въ кабачкѣ, на краю стола, залитаго джиномъ. Сколько здѣсь надписей, вырѣзанныхъ ножами, любовныя признанія и клятвы на всѣхъ языкахъ. Напротивъ меня сидитъ Тобъ, первая красавица въ гавани, черная и злая, какъ обезьяна. Тянетъ черезъ соломину ликеръ, то поправляетъ гребенки, то съ яростью одергиваетъ кофточку: платье на ней шелковое и краденое, поэтому узко. Она сказала, что, если я ее брошу,—будетъ бѣда.

На разсвѣтѣ я выхожу на подводной лодкѣ, въ арріергардѣ субмаринъ. Лодочку мою зовутъ «Кэтъ», или, по-нашему, «Катька». Наконецъ то, я попадаю на дно моря. А вы, Татьяна Александровна, странствуете по инымъ мѣстамъ, болѣе призрачнымъ, и только. Мы оба не любимъ чада и благополучія, словомъ,—искатели приключеній.

Помните годъ назадъ нашу бесѣду въ подмосковномъ паркѣ? Куковала кукушка, и запахъ меда былъ повсюду,—съ полянъ, отъ липъ и вашего платья. Вы сказали, что есть двѣ породы людей,—какъ ночь и день въ вѣчномъ круговоротѣ, одни ищутъ покоя, другіе — волненій. Обо мнѣ же вы изволили выразиться презрительно, что я спо-

собенъ отыскивать Бога въ телескопъ, шаря по небу, что исканіе подмѣниваю приключеніями, волненіе духа — простымъ безпокойствомъ, и было бы мнѣ лучше хоть на минуту остановиться и закрыть глаза.

Согласенъ. Я за этотъ годъ исколесилъ полсвѣта. Покупалъ пушки, фуфайки, слюду, быковъ. Заключилъ трехмѣсячный бракъ съ японкой. Затѣмъ атаковалъ и потопилъ транспортъ въ одно чудесное утро. Пять недѣль лежалъ и плевался кровью. Наконецъ, четыре эти мѣсяца сижу здѣсь въ гавани, дерусь на кулачкахъ изъ-за Тобъ и не знаю, чѣмъ все это кончится.

До разсвѣта еще далеко, но если погода не перемѣнится,—насъ потреплетъ. За окошкомъ видна вся гавань, въ лужахъ и дождевыхъ пузыряхъ. Качаются фонари. Вѣтромъ сорвало брезентъ съ цѣлой горы мѣшковъ. Пляшутъ огни на мачтахъ. Завываетъ сирена, какъ обманутая дѣва. Вѣтеръ и дождь гонятъ по мостовой пьяненькаго матроса въ резиновомъ плащѣ. Ночка.

Тобъ говоритъ, что, если бы умѣла, то написала вамъ, что я безбожный скотъ и еще кто-то... Она вырываетъ у меня перо».

Безъ огней и сигналовъ субмарины вышли въ открытое море. Ровно въ половинѣ четвертаго Андрей Николаевичъ поднялся на мостикъ «Кэтъ»; матросы и два помощника спустились во внутрь лодки.

Огромныя тучи, озаренныя огнями гавани и уже пропитанныя блѣднымъ разсвѣтомъ, грудились надъ портомъ и моремъ. Рѣзкій дождь хлесталъ въ стекла и стѣны

кирпичныхъ домовъ, по бочкамъ съ керосиномъ, по брезентамъ, покрывавшимъ мѣшки, шумѣлъ вязами сквэра, барабанилъ по стальной обшивкѣ лодки и лѣпилъ къ спинѣ Андрея Николаевича плащъ.

Неподалеку за завѣсой дождя краснѣло окошко кабачка «Неожиданная встрѣча». И тамъ, все такъ же за окномъ, съ края стола, сидѣла Тобъ, опершись острый подбородокъ о кулачки.

Андрей Николаевичъ усмѣхнулся радостно и тревожно: онъ снова покидалъ навсегда и этотъ берегъ. Въ жизни не было слаще чувства разлуки и свободы.

Онъ взглянулъ на часы, и черезъ секунду скомандовалъ полный ходъ. Остовъ «Кэтъ» задрожалъ, и она скользнула навстрѣчу пологимъ волнамъ, покрытымъ бликами огней и прибрежнымъ мусоромъ.

Огни гавани, холодѣющіе въ утреннемъ свѣтѣ, остались далеко позади, погрузились въ воду и скрылись. Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Наискосокъ, навстрѣчу ходу, поднимались валы и каждый разъ обрушивались уже за лодкой.

Обрывки облаковъ проносились надъ пѣной океана. Внезапно въ разорванной длинной щели между тучъ появился бугоръ солнца. Протянулись въ верхъ и въ стороны широкіе лучи. Море стало зеленымъ. Заблестѣла сталь на мокромъ мостикѣ, и Андрей Николаевичъ распахнулъ плащъ

Теперь вогнутая поверхность набѣгающей волны казалась прозрачной какъ стекло. «Кэтъ» подлетала подъ ея покровъ и однимъ взмахомъ возносилась на бурлящій гребень, наклонялась затѣмъ и скользила внизъ. Винтъ дрожалъ въ воздухѣ, и грохотала рухнувшая справа гро-

мада. Впереди, у кран неба и воды, покачивались двѣ радіотелеграфныя мачты передней сумбарины.

Изъ нутра́ «Кэтъ» появилось круглое, безусое лицо съ голубыми глазами старшаго помощника Яковлева.

— Андрей Николаевичъ, пора,—сказалъ онъ, поднявъ брови, и покраснѣлъ, какъ всегда, разговаривая съ командиромъ,—у насъ у всѣхъ голова кругомъ идетъ. Какой приказъ?

Онъ вылѣзъ на мостикъ и попросилъ разрѣшенія курить (внутри лодки запрещалось). Андрей Николаевичъ самъ опредѣлилъ секстантомъ положеніе судна, разстегнулъ куртку и досталъ конвертъ съ пятью красными печатями. На немъ точно были обозначены долгота и широта, гдѣ вскрыть тайный приказъ. Не спѣша онъ сломалъ печати и, прикрывъ отъ вѣтра плащемъ, развернулъ хрупкій, тонкій листокъ. Въ немъ стояло краткое и невѣроятное приказаніе итти на...

Яковлевъ вышелъ, поднялъ брови и проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Андрей Николаевичъ, куда же мы на рожонъ полѣземъ?

— Это—не ваше и не мое дѣло.

— Если вы думаете, что я боюсь, такъ я напротивъ... Я даже очень радъ, — пробормоталъ Яковлевъ, поджимая губы, и застегнулъ на всѣ пуговицы пальто.

Передавъ ему командованіе, Андрей Николаевичъ спустился по отвѣсной лѣсенкѣ въ узкій коридоръ, куда выходили каютки. Съ потолка матовыя полушарія освѣщали выкрашенныя въ бѣлое желѣзныя стѣны, линіи мѣдныхъ

трубъ, ряды заклепокъ, провода, тяги и толстый половикъ на полу.

Теплый, сладковатый воздухъ, напитанный запахомъ бензина и масла, сильными струями проносился надъ головой. Шумѣли вентиляторы, и глухо и мѣрно, какъ пульсъ, работалъ моторъ.

Конецъ коридора, съ дверью въ машинное отдѣленіе, то возносился, то падалъ внизъ. Придерживаясь за стѣны, Андрей Николаевичъ вошелъ въ офицерскую каюту съ тремя, одна надъ другой, койками. На самой верхней спалъ второй помощникъ, качаясь какъ въ люлькѣ. Вдоль наружной вогнутой стѣны журчали водяныя струи. Свѣжій вѣтерокъ подавался спизу, отдувая уголъ карты на столѣ, шевеля волосы спящаго. Спертый воздухъ высасывался черезъ рѣшетку въ сферическомъ потолкѣ, залитомъ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ. На маленькомъ, чистенькомъ столѣ стояла початая бутылка коньяку, бисквиты и лежалъ томикъ англійскаго романа..

Андрей Николаевичъ, негромко посвистывая, присѣлъ у стола и обхватилъ колѣно. Приказъ былъ выполнимъ, конечно, но съ большимъ рискомъ. Извѣстно, что субмарина, погружаясь въ воду, оставляетъ на поверхности перископъ,—свой глазъ, всегда замѣтный днемъ по водяному слѣду. Опускаясь еще глубже, т.-е. скрываясь совсѣмъ, лодка оказывается почти слѣпой и идетъ ощупью, по компасу, рискуя налетѣть на мель, рифъ или во время боя на киль корабля. У «Кэтъ» были минные аппараты и скорострѣльная пушечка — вооруженіе скорѣе для атаки. Но не на нихъ, а на особые иллюминаторы, которые, уничтожая отчасти преломленіе воды, позволяли различать

на глубинѣ опасные предметы, и надѣялся главнымъ образомъ Андрей Николаевичъ, обдумывая, какъ провести лодку невредимой въ назначенный портъ.

Но долго размышлять надъ тѣмъ, что еще не случилось, Андрей Николаевичъ считалъ занятіемъ праздным. Наливъ рюмочку коньяку онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ и взглянулъ на спящаго князя, который положилъ руку на грудь и склонилъ къ плечу тонкое свое лицо, желтоватое и точно восковое отъ плохо залѣченной лихорадки.

— Больше на консервъ похожъ, чѣмъ на живого человѣка, — пробормоталъ Андрей Николаевичъ, — какъ бы и намъ всѣмъ не пришлось очутиться вродѣ коробки сардинъ на съѣденіе морскому чорту.

Въ это время въ каюту вошелъ вахтеръ Курицынъ, по прозванію «курицынъ сынъ», широкоплечій, рыжій, скуластый матросъ, и доложилъ, что требуютъ къ телеграфу.

— Идемъ въ Энскій портъ, Курицынъ. Ты что насчетъ этого думаешь?—проговорилъ Андрей Николаевичъ нарочно только, чтобы послушать, что скажетъ Курицынъ, имѣющій на все свое сужденіе и отвѣтъ. И прошелъ въ машинное отдѣленіе.

Курицынъ покрутилъ головой, скосоротился, подмигнулъ матросамъ и сказалъ:

— Ну, и дѣвушки же, ваше благородіе, въ Энскомъ порту, люты!

Въ общемъ на этотъ разъ у него никакой остроты не вышло. Команда поднялась при видѣ Андрея Николаевича: матросы молчали, должно быть, всѣ понимали, что дѣло серьезное.

Радіотелеграмма была запросомъ, прочтенъ ли приказъ

Андрей Николаевичъ надѣлъ шлемъ и сѣлъ къ аппарату. «Пари, Пари, Пари, Бомбей... Пшеница Чикаго, пшеница Чикаго... Гибнемъ, гибнемъ, гибнемъ,—затрещали ему въ ухо голоса со всего міра, — гибнемъ, гибнемъ. Франциско хлопокъ, Франциско хлопокъ... Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ... Моргинзонъ только-что скончался... Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ».

И онъ, поймавъ нужную волну, далъ отвѣтный сигналъ: «Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ», и, соединяясь съ субмариной «Z», сообщилъ, что приказъ прочелъ.

Двое сутокъ «Кэтъ» ныряла въ волнахъ. Прочная и быстрая, соединенная голосами со всѣмъ міромъ, она веселила сердце Андрея Николаевича. Ему не представлялось, какъ можно разрушить такое сокровище ударомъ бомбы, и у «Кэтъ», казалось, есть болѣе высшее назначеніе, чѣмъ топить корабли.

Яковлевъ и второй помощникъ, кн. Бѣлопольскій, оба еще мальчики, храбрились ужасно. Одинъ краснѣлъ, другой просто не могъ дышать отъ обаянія, какое внушалъ имъ Андрей Николаевичъ, державшійся немного сонно, съ развальцемъ и просто. Помощники знали, что передъ отъѣздомъ было отправлено письмо какой-то Татьянѣ Александровнѣ въ Тульскую губернію, въ имѣніе Долгоруково, и оба въ Татьяну Александровну были влюблены.

Команда, выходившая по очереди на палубу, весело покуривала послѣ духоты каютъ на легкомъ встрѣчномъ вѣтру. Дни стояли ясные, и множество рыбъ разлеталось

передъ лодкой, подскакивая на гребняхъ, въ ужасѣ таращило глаза.

Курицынъ ухитрился ловить рыбу сачкомъ на ходу. Матросы гоготали, глядя какъ онъ, засучивъ штаны, доходитъ до самаго края лодки, поднявшей носъ, запускаетъ сачокъ, вытаскиваетъ, и по вновь опускающемуся носу бѣжитъ обратно и вертится какъ бѣсъ, или, засунувъ ладонь подъ мышку, играетъ на ней марши, приплясывая, пока не хлестнетъ его валъ.

Появились дельфины и погнались за лодкой. Изъ зеленой воды, изъ-подъ самаго носа, выскальзывали они крутымъ побѣгомъ на воздухъ, опустивъ хвостъ описывали дугу и вновь погружались безъ плеска. И сбоковъ, сзади, повсюду вертѣлись, какъ колеса, ихъ скользкія, коричневыя тѣла.

Днемъ Андрей Николаевичъ спалъ или сидѣлъ на телеграфѣ. Закрывъ глаза, отвинувшись на стулѣ онъ слушалъ обрывки донесеній о бояхъ въ Шампани и на Западной Двинѣ, на границѣ Австріи и подъ Царьградомъ. Какой-то Жоржъ напрасно пытался послать поцѣлуй своей женѣ, плывущей въ Америку, и не могъ добиться: быть можетъ, давеча этотъ самый пароходъ и вопилъ о гибели. Къ вечеру у границъ Волыни было разбито три австрійскихъ корпуса, и на утро по всему океану понеслись истерическіе голоса биржевиковъ.

Весь міръ сосредоточился у Андрея Николаевича въ тиканьѣ долгомъ и короткомъ, въ шорохѣ и шумѣ аппарата. Прошлое,—земля и встрѣчи,—было какъ сонъ, будущее упиралось въ мины. Не осталось ни страха, ни радости, ни сожалѣнія, — только вода, стальная эта коробка, наби-

тая, какъ сардинами людьми, да черточки безпроволочнаго телеграфа въ мозгу.

Когда склянка била къ ужину и матросы заглушенными голосами пѣли молитву, Андрей Николаевичъ поднимался на мостикъ, смѣнялъ помощника, надвигалъ картузъ на глаза и съ удовольствіемъ отмѣчалъ, что все на томъ же разстояніи на границѣ неба и воды покачиваются двѣ короткихъ мачты.

Море до края заката было лиловымъ, и слѣдъ отъ лодки по водянымъ буграмъ переливался красными искрами. Закатный свѣтъ начинался отъ зенита и густѣлъ у воды, гдѣ раскаленныя тучи выпустили, наконецъ, солнце, измѣнившее формы и медленно канувшее въ море. Погасли отблески; появились блѣдныя звѣзды, созвѣздія; засіяла Вега.

А на востокѣ возникало небольшое зарево, точно отъ горящаго корабля, и поднялась луна цвѣта крови. Когда же, линяя, блѣднѣя, свѣтясь все ярче, достигла она звѣздъ,—по водѣ пробѣжалъ серебристый слѣдъ. Эти минуты были тоскливыми и тяжелыми для Андрея Николаевича. Въ его увѣренномъ спокойствіи точно начинала дрожать нестерпимая какая-то жилка. Отъ такихъ пустыхъ, ненужныхъ моряку вещей, какъ закатъ, напримѣръ, начиналъ онъ чувствовать себя жалкимъ и смертнымъ человѣкомъ, точно не все еще испытано, или самое важное, самое нужное было впереди. Андрей Николаевичъ негодовалъ и гнѣвался на мостикѣ, потому что чувство это казалось ему подобно трещинѣ въ бронированномъ борту у «Кэтъ».

На третій день, послѣ полудня, Андрей Николаевичъ

поспѣшно вышелъ изъ телеграфной каюты и приказалъ готовиться къ спуску. Команда стала къ аппаратамъ, нагнетающимъ воду. Осмотрѣли кислородные резервуары, озонаторы, опрѣснители и всѣ люки. Артиллеристы прошли въ минное отдѣленіе. Было приказано по возможности лежать, двигаться какъ можно меньше, не разговаривать и не смѣяться. Яковлевъ, стоявшій на вахтѣ, крикнулъ сверху въ трубу, что на сѣверѣ — дымъ, затѣмъ сошелъ внизъ, и выходной люкъ герметически былъ завернутъ.

Андрей Николаевичъ скомандовалъ спускъ и прошелъ въ рулевое отдѣленіе. Зашумѣла вода въ кингстонахъ, нутро лодки точно отяжелѣло, и качка уменьшилась. «Кэтъ» погрузилась и пошла подъ водой по перископу. Андрей Николаевичъ нажалъ кнопку, электричество погасло, и изъ трубы полился конусъ голубоватыхъ лучей.

Тогда поверхность столика ожила. Заходили по ней крошечныя волны съ гребнями, возникли облака и слѣва протянулся дымокъ.

Подперевъ голову, Андрей Николаевичъ всматривался въ море, лежащее передъ нимъ на площади квадратнаго фута. Дымокъ исчезъ, и вскорѣ справа появилась чергочка земли. Къ ночи Андрей Николаевичъ за темнотой рѣшилъ опять подняться на поверхность и итти безъ огней.

До утра онъ простоялъ на мостикѣ. Воды были тихими, только валъ мертвой зыби всплескивалъ иногда подъ носомъ лодки. Тонкая пелена затянула звѣзды. На югѣ, въ страшной дали, скользнулъ по облакамъ голубоватый лучъ прожектора со сторожевого вражескаго судна.

Вниманіе было такъ напряжено, что Андрей Николаевичъ слышалъ тиканье часовъ въ карманѣ. Передъ зарей

невысоко со свистомъ пролетѣли утки. Пришло извѣстіе, что первая субмарина погрузилась совсѣмъ. Вскорѣ телеграфировала вторая, что погружается. Приближался поясъ минъ. Одна за другой исчезали подъ ними лодки,—быть-можетъ навсегда.

Разсвѣтъ былъ долгій; зеленоватый и оранжевый свѣтъ его разливался по перистымъ облакамъ. Андрей Николаевичъ различилъ, наконецъ, неясное очертаніе скалъ надъ молочной поверхностью залива и скомандовалъ: Стопъ! Онъ закрылъ глаза, снялъ фуражку, провелъ ладонью по влажному лбу своему и украдкой перекрестился. Затѣмъ сошелъ внизъ и самъ завернулъ люкъ.

«Кэтъ» на точно обозначенномъ мѣстѣ начала опускаться на большую глубину. Потомъ, медленно руководясь только румбомъ, компасомъ и картой, двинулась подъ минами, сдавленная сотнями тысячъ пудовъ воды.

Румбы, ворочаясь на стальныхъ шнурахъ, позади «Кэтъ», точно опредѣляли скорость, хронометръ показывалъ время поворота, а компасъ—его точное направленіе. Яковлевъ наблюдалъ за приборами, Бѣлопольскій по логариѳмическимъ таблицамъ вычислялъ поправки въ погрѣшности хода и доносилъ старшему механику, стоящему у моторовъ. Андрей Николаевичъ, склонясь надъ картой, вполголоса командовалъ рулевому: вправо столько-то градусовъ, минутъ и секундъ, влѣво—столько-то.

Не чувствовалось ни качки ни движенія «Кэтъ», погруженной въ темноту. Матросы повсюду лежали неподвижно, заботясь какъ можно меньше расходовать кислорода. Но все же воздухъ былъ тяжкій, густой, и звенѣло въ ушахъ. По временамъ кто-нибудь пробормочетъ: «О Господи, Го-

споди!» и вздохнетъ, припомнивъ, должно-быть, три десятины свои гдѣ-нибудь подъ Бугурусланомъ, гречиху, ржащаго жеребенка да вѣтеръ въ ракитовыхъ кустахъ. Труднѣе всѣхъ пришлось Курицыну. Послѣ многихъ часовъ молчанія онъ началъ покряхтывать, потомъ сказалъ:

— Намъ-то еще, братцы, ничего, а вотъ, я думаю, китъ, скажемъ,—какъ онъ себя подъ водой терпитъ?

— Молчи, ты, дура,—отвѣтили изъ темноты.

Яковлевъ, повернувъ изъ-за едва поблескивающихъ трубъ и приборовъ потное, нахмуренное лицо, приказалъ молчать. И въ это время днище «Кэтъ» ударилось обо что-то и заскрипѣло.

— Стопъ! Стопъ!—закричалъ Андрей Николаевичъ, выскакивая изъ рулевой будки.

Завыли шестерни, и моторы перестали биться. Въ тишинѣ слышалось только дыханіе людей. Сразу стало жарко, какъ въ банѣ.

Андрей Николаевичъ пробрался въ герметическую камеру, куда чрезъ иллюминаторы проливался жидкій, зеленоватый свѣтъ, и прильнулъ къ стеклу.

Понемногу въ подводномъ сумракѣ обозначились тѣни и очертанія, расплывчатыя и неясныя. Одна изъ тѣней дрогнувъ двинулась вдоль стекла, и на Андрея Николаевича глянули круглые, рыбьи, трагическіе глаза.

Рыба скользнула наискосокъ, глубоко внизъ; значитъ «Кэтъ» сидѣла не на мели, и врядъ ли здѣсь могли быть подводные рифы. Продолжая наблюдать, Андрей Николаевичъ приказалъ подняться на нѣсколько футовъ. Тогда множество тѣней шарахнулось поспѣшно, и ясно теперь стали видны обрывки проволочныхъ лѣстницъ и канатовъ

зацѣпившаяся за нихъ полуобглоданная рыбами человѣческая фигура. Раскинувъ руки она покачивалась внизъ головой. Андрей Николаевичъ откинулся, и на минуту у него зазвенѣло въ мозгу. «Кэтъ» наскочила и остановилась на останкахъ взорваннаго минами корабля.

Остановка эта могла оказаться роковой. Равномѣрное движеніе лодки было нарушено, направленіе утеряно; небольшая и неизбѣжная неточность того мѣста, гдѣ лодка опустилась подъ мины, должна была возрасти по мѣрѣ хода; теперь же, ставъ, «Кэтъ» въ одно мгновеніе заблудилась во времени.

Андрей Николаевичъ забарабанилъ пальцами по стеклу. Оставаться подъ водой было невозможно, появиться на поверхности значитъ выдать себя и подвергнуться обстрѣлу. Все же это былъ единственный выходъ опредѣлить точно мѣсто нахожденія. Онъ скомандовалъ медленный подъемъ и вернулся къ окошку. Тѣни ушли внизъ. Вода замѣтно свѣтлѣла. И вдругъ сверху навстрѣчу словно сталъ опускаться темный шаръ. «Мина. Сейчасъ встрѣтимся»,—подумалъ Андрей Николаевичъ и, новымъ усиліемъ преодолѣвъ давящее мозгъ оцѣпенѣніе, приказалъ перемѣнить направленіе. Шаръ отдалился, а справа приблизился второй. Пришлось продвинуться впередъ. Но и тамъ, въ зеленоватомъ полумракѣ, возникли чугунные шары, словно поджидая, когда ихъ коснется бортъ судна. «Кэтъ» запуталась въ минной сѣти...

II

Съ большой высоты морская вода кажется прозрачной, и внимательному глазу возможно въ ней разсмотрѣть даже

ящихъ крупныхъ рыбъ. Какъ впослѣдствіи выяснилось, «Кэтъ» была именно такъ и замѣчена двумя непріятельскими гидропланами въ то время, когда стремилась выбиться между минами на поверхность залива. Самолеты выслѣдили подъ водой ея тѣнь, и, кружась надъ тѣмъ мѣстомъ, дали знать сторожевымъ судамъ. Но лодка, описавъ кругъ, вновь опустилась на большую глубину.

Теперь она шла вслѣпую. Моторы были пущены во всю силу. Сотни бѣсовъ, именуемыхъ лошадиными силами, бились въ нихъ, бѣшено вращая рычаги поршней, шестерни, фрикціоны и валъ. Корпусъ лодки дрожалъ. Полуголые механики, въ однихъ только штанахъ, ползали около машинъ, трогая раскаленныя, гудящія части. Было жарко и душно; въ свинцовыхъ резервуарахъ оставалось кислороду всего на часъ, не больше.

Яковлевъ сидѣлъ все тамъ же, около аппаратовъ, облокотясь о колѣни, охвативъ руками помутившуюся, стриженную голову. Въ минныхъ погребахъ, въ каютахъ, въ проходахъ у стѣнъ лежали и стояли незанятые дѣломъ матросы, молча, задыхаясь. И каждаго, какъ поплавокъ, неудержимо тащило кверху,—вынырнуть, глотнуть вѣтра, глянуть на небо. Князь Бѣлопольскій, все еще наклонясь надъ безполезными сейчасъ таблицами, то-и-дѣло вытиралъ лицо, точно убирая паутину; наконецъ поднялся, но на полпути упалъ на руки и колѣнки и стошнилъ. Его подняли безъ сознанія, уложили на койку.

И одинъ только голосъ Андрея Николаевича, слышный повсюду изъ телефонныхъ трубокъ, поддерживалъ силы полузадохшихся людей. Пустивъ «Кэтъ» полнымъ ходомъ, Андрей Николаевичъ разсчитывалъ миновать минный

поясъ,—хватило бы только воздуху, хотя на часть команды.

Блѣдный и возбужденный, съ растрепаннымъ проборомъ, въ разстегнутомъ кителѣ, онъ появлялся повсюду, стыдилъ ослабѣвшихъ, заглянулъ къ Бѣлопольскому, самъ влилъ въ ротъ ему коньяку, и, крѣпко проведя ладонями по волосамъ, поцѣловалъ въ лобъ. «Еще полчасика, полчасика продержаться,—звенѣло въ мозгу, — полчасика, за полчасика, чай, не всѣ помрутъ».

Наконецъ, присѣвъ слишкомъ быстро около копошащагося, голаго, вымазаннаго масломъ механика, увидалъ онъ багровое пламя передъ глазами, и, откинувшись, ударился затылкомъ о выступъ машины. Но боли не почувствовалъ. «Плохо», — подумалъ онъ, подползъ къ запасному кислородному баку, открылъ кранъ и съ жадностью потянулъ въ себя благовонную струю газа. Закружилась голова, сладкій огонь пробѣжалъ по жиламъ. Андрей Николаевичъ поднялся, пошатываясь. Всѣ предметы стали отчетливыми. Всѣ лица повернулись къ нему, молча, точно спрашивая, прося одними глазами. Скуластыя, бородатыя, иныя совсѣмъ еще юныя лица матросовъ представились ему въ эту минуту опьяненія особенно человѣческими, мужицкими... Вотъ этого стащили прямо со стога сѣна, остригли, одѣли, выучили, посадили въ «Кэтъ», погрузили на пятнадцать саженъ подъ воду. А у этого явно тараканы въ избѣ и теленочекъ, и глаза у него коровьи, покорные. А придется, видно, умереть, ничего не подѣлаешь, надо!

Въ коридорчикѣ Андрей Николаевичъ наткнулся на Курицына. Онъ стоялъ, привалясь къ стѣнѣ, и глоталъ, какъ

рыба, воздухъ. Жилы на шеѣ и лбу напряглись, рябое лицо посинѣло. Увидѣвъ командира онъ попытался пріободриться, изобразить всегдашнюю глупую рожу, пробормоталъ:

— Виноватъ, угорѣлъ маленько.

Андрей Николаевичъ, наклонясь къ нему, увидѣлъ, что зеленые глазки Курицына застланы смертной пеленой, выругался глухо и, вдругъ повернувшись къ трубкѣ, скомандовалъ подъемъ... «Кэтъ» дрогнула и понеслась наверхъ. Четыре съ половиной минуты продолжался подъемъ. Точно четыре съ половиной года длилось ожиданіе столкновенія, удара, треска, огня, гибели. Вдругъ «Кэтъ» стала. На перископный столикъ упалъ свѣтъ. Матросы поползли къ люку, отвинтили его, и полился холодный, соленый воздухъ, раздирая грудь, туманя голову. Зашумѣли вентиляторы и насосы.

Андрей Николаевичъ первымъ выпрыгнулъ на мостикъ и со вскрикомъ зажмурился. Надъ вознесенными, какъ дымъ, грудами теплыхъ облаковъ висѣло вечернее солнце. Ни вѣтра, ни зыби, и воды—какъ зеркало.

Дрожащими пальцами держа секстантъ Андрей Николаевичъ началъ измѣреніе. За спиною появились Яковлевъ, Курицынъ и матросы. Въ небѣ слышалось сильное жужжанье, затѣмъ раздался мѣрный, легкій трескъ пулемета, и, словно отъ просыпаннаго гороха, звякнула обшивка лодки. Это падалъ, описывая широкіе круги, гидропланъ, съ приподнятыми заостренными крыльями.

Покосясь на него, Андрей Николаевичъ закусилъ губу и продолжалъ измѣреніе. Матросы защелкали затворами карабиновъ. Гидропланъ, почти достигнувъ воды, взмылъ

полого и съ рѣзкимъ шипѣніемъ — «фрррръ» понесся надъ лодкой. Неподвижно въ немъ сидѣлъ бритый летчикъ, держа рули. Пониже его наблюдатель, высунувъ черные усы изъ-за покрышки шлема, перегибался, глядѣлъ внизъ, ожидалъ. Затѣмъ откинулся, поднялъ обѣими руками продолговатую бомбу и спустилъ ее между ногъ въ трубу. Снарядъ метнулся на мгновеніе и канулъ въ воду у борта лодки. Курицынъ выстрѣлилъ. Усатое лицо сморщилось, поднялись кожаныя руки съ растопыренными пальцами. Самолетъ проскользнулъ и полого, кругами, пошелъ на верхъ. Матросы открыли щелкотню вдогонку.

— Раненъ, раненъ, я самъ видѣлъ, сморщился,—прокричалъ Яковлевъ визгливо.

Надъ грядой красноватыхъ горъ появился второй аппаратъ, различимый, какъ черточка... «Кэтъ» легко, словно раздвигая стекло, двигалась въ молочныхъ и оранжевыхъ водахъ.

Андрей Николаевичъ застегнулъ тужурку, надвинулъ картузъ и, пройдясь по мостику, сказалъ, усмѣхнувшись (на щекахъ его и въ глазахъ блеснулъ красноватый свѣтъ заката):

— Ну съ, Яковлевъ, мины пройдены, а вотъ что теперь будемъ дѣлать? Мы на такой-то широтѣ и долготѣ...

— Андрей Николаевичъ, здѣсь рифы и мели...

— Въ томъ то и дѣло, что здѣсь рифы и мели, и итти подъ водой я не рискну... Подождите...—Онъ поднялъ руку.

Солнце сѣло уже въ облака, и они, насытясь его оранжевымъ свѣтомъ, озаряли воды; оттуда, изъ багроваго свѣта, стремительно налеталъ надрывающій свистъ.

— Прибавить ходу!—сказалъ Андрей Николаевичъ, направляя бинокль на закатъ.

Просвистала вторая граната по другую сторону, и возникъ водяной фонтанъ. «Кэтъ» круто повернула къ потемнѣвшей полосѣ горъ, и позади надъ ея лиловымъ слѣдомъ лопнулъ третій снарядъ, брызнулъ, раскрылся облачкомъ.

«Кэтъ» повернула-было опять на востокъ, но теперь спереди, сбоковъ, повсюду лопались, брызгали огнемъ шары и, наконецъ, по всему тускнѣющему горизонту появились дымы. Кругъ ихъ смыкался.

Наблюдающій гидропланъ пронесся тѣнью надъ «Кэтъ», два блѣдныхъ лица глянули сверху и скрылись.

Затѣмъ невысоко надъ кормой разорвалось пламя, и чернобородый артиллеристъ Шубинъ, дѣльный мужикъ, выронилъ карабинъ, схватился за лицо и, перевалясь черезъ перила, скрылся подъ водой.

— Всѣ внизъ, маршъ, къ чорту! — крикнулъ Андрей Николаевичъ и, не отрывая рта отъ рупора, поглядывая исподлобья, гдѣ гуще падаютъ снаряды, командовалъ, ругаясь черезъ каждое слово.

«Кэтъ» вертѣлась, какъ затравленная. Повсюду теперь густо дымили трубы миноносцевъ. Дымовое кольцо смыкалось. Вдругъ, настигая, налетѣлъ снарядъ, дунулъ жаромъ; Андрея Николаевича кинуло навзничь. Съ трескомъ радіотелеграфная мачта рухнула въ воду.

«Кэтъ», погруженная по самый мостикъ, мчалась къ скалистому берегу.

Въ сумракѣ подъ обрывами метнулись подъ рядъ шесть огненныхъ искръ, раскатясь по водѣ, и свистнули надъ

лодкой шесть демоновъ, закованныхъ въ стальные цилиндры. Вдоль скалъ двигалась длинная тѣнь судна.

«Кэтъ» дрогнула на ходу, и, отдѣлясь отъ нея, подъ водой, навстрѣчу тѣни, скользнула острая слѣпая мина. Прошло долгое мгновеніе, и тамъ, гдѣ были трубы миноносца, поднялась лохматая гора огня и воды. Рухнула. И тѣни не стало. «Кэтъ» вошла между скалъ, въ одинъ изъ глубокихъ заливчиковъ, погрузилась и легла на песчаное дно.

III

«Насъ, я знаю, считаютъ погибшими. Седьмой день лежимъ на днѣ, съ величайшими предосторожностями каждую ночь поднимаемся за воздухомъ. Поправить мачту нѣтъ возможности. Да и все равно нельзя тратить горючій матеріалъ на электрическую энергію—телеграфировать. Ѣды тоже мало. Но все-таки держимся; опрѣснители работаютъ отлично».

Такъ черезъ недѣлю послѣ морского боя записалъ Андрей Николаевичъ въ тетради, переплетенной въ черную кожу. Ежедневно онъ отмѣчалъ въ ней широту и долготу, скорости, исправность машины, работу и провинности команды и прочее... Въ послѣдней же графѣ происшествій записалъ кратко бой съ миноносцами, смерть Шубина, поврежденіе лодки и минную атаку. Теперь на глубинѣ пяти саженъ, на песчаномъ днѣ, ничего не случалось необычнаго, но понемногу запись въ послѣдней графѣ стала переползать на весь листъ. Рѣшилъ ли Андрей Николаевичъ, что все равно живымъ никому изъ этого залива не уйти, или частные случаи перевѣсили въ его сознаніи строго устано-

ленный распорядокъ,—только тонъ дневника перемѣнился.

«Еще три—четыре дня послѣ боя было у всѣхъ возбужденіе и злорадство,—писалъ далѣе Андрей Николаевичъ.—Отдѣлались мы однимъ убитымъ да мачтой, а сами потопили ихнее судно и перехитрили (дѣйствительно, весь здѣшній берегъ изрѣзанъ и «Кэтъ» канула, какъ иголка). Подходить близко они боятся, я думаю; все же надежды, что сочтутъ насъ погибшими, очень мало.

Но теперь я замѣчаю, что событія недавнихъ дней точно отодвинулись въ глубокое прошлое, изъ команды кое у кого начинается странное состояніе разсѣянности. Мы—не живые и не мертвые, спимъ весь день, ночью поднимаемся, чтобы накачать воздуху. Только Курицынъ еще пытается балагурить. Давеча я вошелъ въ рубку, смотрю, онъ устроилъ общій столъ изъ пустыхъ бидоновъ и брезента; Матросы сидятъ вокругъ, сонные, лица опухли; Курицынъ ихъ всѣхъ прозвалъ пильщиками, будто бы пильщики здоровы ѣсть, а у насъ на семнадцать человѣкъ полагается сейчасъ девять коробокъ мясныхъ консервовъ. Не густо. Сидятъ кругомъ передъ общей чашкой, ложками черпаютъ по командѣ, а что не доѣдятъ,—наболтаетъ Курицынъ. «Ну,—командуетъ онъ,—набили пузо, сенаторы, расходитесь курицыны дѣти» ...

Больше всѣхъ мнѣ не нравится князь. Мальчикъ слишкомъ впечатлительный; послѣ обморока и смерти Шубина не можетъ никакъ оправиться. Пытался что-то дѣлать, но я приказалъ ему не сходить съ койки; онъ и лежитъ теперь цѣлыми днями лицомъ къ стѣнѣ. Гнететъ его отсутствіе звуковъ. Тишина дѣйствительно ужасная. Сверху насъ—вода, толщиной въ четырехъэтажный домъ,

Когда наступаетъ время подъема, всѣ оживаютъ понемногу, потягиваются, съ безпокойствомъ поглядываютъ на часы, ждутъ этого часа, какъ воскресенія изъ мертвыхъ.

Но вотъ ворвался въ вентилляторы свѣжій воздухъ, стукаю пальцемъ по обшивкѣ и чувствую, что отъ неба отдѣляетъ меня только дюймъ желѣза, — пріятно. Вчера были глухіе выстрѣлы,—насъ сторожатъ.

Накачаемъ воздухъ, тонемъ на дно, и людьми снова овладѣваетъ сонливость; время обрывается. Заваливаешься на койку. Темнота не та, что бываетъ на землѣ, а бархатная, совершенная... Яковлевъ бормочетъ и вскрикиваетъ, Ему снятся сраженія, подвиги, гавани, разукрашенныя флагами, вѣтеръ и женщины. Спросонокъ онъ пагибается сверху съ койки и подобно мнѣ разсказываетъ всю эту чепуху.

Я начинаю понимать мухъ, что дремлютъ между замерзшими окнами. Лежу съ открытыми глазами, ни сонъ. ни явь, нѣтъ мыслей и воспоминаній, я только чувствую,— и никогда съ такой силой,—бытіе. Оно не представляется мнѣ случаями или отдѣльными картинами, а внѣ времени во всей полнотѣ, гдѣ-то надо мной, по ту сторону водяной толщи, простирается бытіе. Точнѣе опредѣлить не могу. Иногда начинаетъ биться сердце точно въ предчувствіи еще болѣе яснаго пониманія. Странно и жутко и, пожалуй, жаль, что не вижу попросту сновъ, какъ Яковлевъ. У него начался во снѣ романъ съ негритянкой».

«Бѣлопольскій совсѣмъ плохъ. Сегодня, на одиннадцатый день, началъ бредить и свалился сверху, мы уложили его на нижней койкѣ.

Курицынъ пытается потихоньку его подкармливать. Я

дѣлаю видъ, что не замѣчаю. Ѣды у насъ осталось на недѣлю, при расчетѣ почти на голодъ. Мужики мои отощали; перестали разговаривать; у большинства, кажется, такое же состояніе, что и у меня, — мухи за окномъ. Смирный все-таки они народъ; главное, если поняли резонъ, то и помрутъ безропотно. Но не дай Богъ заставить ихъ маяться несправедливо. Князька жалѣютъ очень. Старшій наводчикъ предложилъ напоить его шалфеемъ. Жалко шалфея-то у насъ и нѣтъ. А травка, говорятъ, хорошая. Чудесная трава растетъ на землѣ.

Князь бредитъ все про какую-то Танечку, будто качается съ ней на качеляхъ надъ рѣчкой, и тошно ему отъ рѣчки. «Хоть бы мелкая, говоритъ, а то она глубокая; уйдемте, Танечка, подальше отъ рѣчки». Перестанетъ, вздохнетъ и опять про то же. Затѣмъ появились у него два особенныхъ человѣка, съ деревянными руками, стащили съ качелей и повели къ рѣкѣ.

До вечера онъ боролся съ ними, вскрикивалъ дико, жаловался, что подъ ногтями — занозы отъ деревянныхъ людей. Наконецъ, началъ булькать, барахтаться и затихъ.

Свѣтъ погасили. Яковлевъ, совсѣмъ измученный, заснулъ. У меня началась тоска, смертельная, невыносимая. Когда слѣзъ посмотрѣть, отчего князь молчитъ, онъ былъ уже холодный.

На тринадцатыя сутки, въ полночь, съ величайшими предосторожностями мы поднялись въ первый разъ. Тѣло князя было завернуто въ холстъ, къ ногамъ привязана граната. Команда пропѣла ему «Вѣчную память».

Первое, что видѣлъ я, взойдя на мостикъ, — звѣзды: огромныя и частыя, сіяли онѣ по всему небу, и всѣ

точно дышали въ водахъ залива. Направо поднимался отвѣсный берегъ, чернѣя высоко на небѣ зубцами скалъ и висящими неподвижно вѣтками низкорослыхъ деревьевъ. Оттуда шелъ сильный запахъ можжевельника, полыни и цвѣтовъ.

Изъ люка подняли князя, подъ холстомъ обозначался его острый профиль. Тѣло скользнуло по борту и скрылось въ водѣ безъ всплеска. Матросы молча крестились. Пролетѣла летучая мышь.

Не понимаю, не понимаю, гдѣ грань живого и мертваго, — развѣ тамъ, гдѣ кончается мука и наступаетъ благоговѣніе и тишина.

Но вотъ за входомъ въ заливъ прошла тѣнь четырехтрубнаго судна. «Они» еще не успокоились. Изъ-за воды возникъ лучъ прожектора и уперся за нами въ обрывъ, гдѣ проступили корявыя вѣтки, камни и трещины. А лучъ уже метнулся въ небо, упалъ и началъ шарить въ заливѣ. Пискнули птицы. Загорѣлась вода. Лучъ, скользя, остановился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ и замеръ. Застыли и мы.

Гдѣ-то въ верстѣ отъ насъ человѣкъ замедлилъ свою работу; поверни онъ сейчасъ на волосокъ лѣвѣе,—мы были бы открыты.

Голубоватый свѣтъ освѣщалъ воду и на глубинѣ множество сбившихся въ стаю рыбъ. Ихъ было столько, что Курицынъ крикнулъ. Опять метнулась мышь ошалѣлымъ полетомъ, и капельки и ночныя бабочки толклись въ свѣту.

Лучъ закачался и внезапно прыгнулъ на вершину скалъ; зубчатая верхушка ея засвѣтилась, и оттуда заклекоталъ

ослѣпшій, недовольный орелъ. Мы вновь погрузились въ темноту и небытіе.

«Князь умеръ!» — повторяю это помногу разъ и не могу понять. Умереть тамъ, на землѣ, — значитъ перестать видѣть, слышать, чувствовать. Тамъ говорятъ: «ушелъ отъ насъ». Умереть — значитъ остаться одному, въ совершенномъ одиночествѣ. Такъ думалъ, должно-быть, Іона, когда попалъ въ брюхо къ киту. Такъ сознаю и я, запаянный въ стальную коробку, погруженный на морское дно. Лежу, не шевелясь, въ темнотѣ, въ мертвой тишинѣ, сдавленный со всѣхъ сторонъ водою. Если бы я похолодѣлъ совсѣмъ, пересталъ двигаться, какъ князь, — многое ли бы измѣнилось? Почти ничего. Быть можетъ, духъ мой, еще привязанный къ ежедневнымъ обязанностямъ, освободился бы совсѣмъ, и только.

Ѣда мнѣ противна. Съ большими усиліями заставляю себя проглотить нѣсколько ложекъ бурды. Тащусь въ столовую и слѣжу, чтобы всѣ были за столомъ и ѣли. Оказывается, что чувство голода мучительно лишь первое время; затѣмъ наступаетъ переломъ, когда тѣло начинаетъ точно подтаивать и вся сила переносится въ сознаніе; всѣ воспріятія обостряются. Полный желудокъ возбуждаетъ отвращеніе.

Это чувство физическаго угасанія необычайно блаженно. Бываютъ удивительныя минуты, — онѣ начинаются съ легкаго озноба, затѣмъ холодокъ пронизываетъ все тѣло, и перестаешь его чувствовать. Въ напряженномъ сознаніи возникаетъ чувство свободы и печали. Дѣйствительно, весь міръ, вмѣстѣ съ травой и звѣздами, — во мнѣ. Я растворенъ въ немъ тончайшимъ холодкомъ. Я свободенъ

отъ всего. Но все же мнѣ печально, точно я не выполнилъ послѣдняго, самаго важнаго долга. Исполнивъ его мой духъ не разостлался бы этимъ холодкомъ, а позналъ бы что-то иное,—не знаю, совершенное ли, но болѣе простое, земное, милое. Но какой долгъ? И что познать?

Сказалъ объ этомъ Яковлеву. Онъ помолчалъ и заплакалъ. Лежитъ теперь все время лицомъ къ стѣнкѣ, какъ князь, на его койкѣ, и не разсказываетъ больше сновъ...

Подобными пространными разсужденіями наполнялъ теперь Андрей Николаевичъ листы дневника. Происшествій почти не было никакихъ. Сторожевыя суда продолжали зорко слѣдить за побережьемъ, освѣщая по ночамъ берега.

Консервы подходили къ концу и кончились. Остался неприкосновенный запасъ на одинъ сутки, но тронуть его можно было только тогда, когда уже самой «Кэтъ» грозила бы неминуемая гибель. Андрей Николаевичъ даже прикинулъ въ умѣ, что человѣкъ шесть, если останутся въ живыхъ, еще смогутъ повести лодку, рискнуть и прорваться, а въ случаѣ неудачи взорвать «Кэтъ». Но пока жива почти вся команда, нужно отлеживаться на днѣ и ждать.

«Четверо уже больны цынгой, а пятый умираетъ отъ горячки,—писалъ затѣмъ Андрей Николаевичъ,—но никто изъ нихъ не попрекнулъ меня въ томъ, что подводная лодка цѣнится дороже многихъ человѣческихъ жизней. Въ самомъ дѣлѣ, умираютъ за знамя, за шелкъ, прибитый къ древку, а «Кэтъ» и знамя—лишь символъ, суровое напоминаніе о томъ, чтобы даже въ часъ упадка не забылся человѣкъ, не счелъ себя свободнымъ отъ долговъ.

Господи, какъ трудно согласовать *себя* съ ними, съ

людьми. Я хочу быть свободнымъ, не должнымъ, *они* требуютъ уплаты. Хочу жить, а имъ нужна моя смерть. Но если перестану бороться, отдамъ имъ себя всего и сразу стану негоденъ, не нуженъ, какъ трупъ; а если откажусь отъ долговъ, закрою глаза, уединюсь,—почтутъ меня преступникомъ, и въ правѣ. Боюсь смерти, но еще больше—позора.

Курицынъ разрѣшаетъ всѣ эти вопросы гораздо проще: «противъ рожна не попрешь». Сейчасъ явился ко мнѣ нагишомъ, въ однихъ закрученныхъ выше колѣна штанахъ, вокругъ головы обернуты лески съ крючками, за спиной—сѣтка, сказалъ: «Все равно околѣвать, ваше благородіе, дозвольте, пойду насчетъ рыбы попытаюсь». Пусть попробуетъ: удастся, продержимся лишнія сутки.

На разсвѣтѣ поднялись. Былъ густой туманъ; по нему ползали, щупали его огни прожекторовъ. Курицынъ скользнулъ безъ шума и поплылъ въ молочной, дымящейся водѣ. Черезъ минуту его не стало видно. Я обѣщалъ назавтра, въ тотъ же часъ, подняться.

Весь день думалъ: Если останусь живъ, чего бы я хотѣлъ? Опять странствій? Веселыхъ приключеній? Какъ все ничтожно! Должно-быть, я на много лѣтъ постарѣлъ подъ водой. Мнѣ ничего не нужно, и все же никогда съ такою силою не хотѣлъ снова вернуться туда...

Яковлевъ говоритъ, что ему трудно умереть на койкѣ; онъ понимаетъ, что это, быть-можетъ,—высшій долгъ, но все же хотѣлъ бы пострѣлять, потопить кого-нибудь и умереть отъ пули. Мальчикъ! Оцѣпенѣніе у него проходитъ, начинаетъ подбивать меня на рискованные поступки.

Всматриваюсь въ туманъ; вдругъ слышу всплескъ, и

на палубу лѣзетъ мокрая голова Курицына, за спиной у него — сѣтка, полная рыбы. Отерся, говоритъ: «Коньячку бы мнѣ, ваше бррр...» И едва сошелъ внизъ и выпилъ стаканчикъ, свалился на половикѣ и заснулъ. Рыбу вытащили на палубу,—хватитъ на трое сутокъ.

Оказывается, Курицынъ попросту пробрался днемъ по кустамъ и можжевельнику вдоль берега и опустошилъ рыбацкія сѣти. Обѣщался завтра пойти на уловъ за баранкомъ. Лицо у него, спина, руки ободраны, худъ такъ, что ребра торчатъ, какъ у лошадиной падали; при этомъ невѣроятно доволенъ. Попросилъ еще стаканчикъ коньяку и опять принялся разсказывать командѣ свои похожденія, при чемъ оказалось, что онъ успѣлъ также обольстить одной своей расторопностью какую-то рыбацкую дочь; подъ конецъ же до того заврался, что старшій механикъ только плюнулъ.

Исторія съ Курицынымъ волнуетъ меня ужасно. Я въ чемъ-то глубоко не правъ и повиненъ. За все это время, пока лежимъ на днѣ, умеръ князь, томится Яковлевъ, безъ ропота, какъ дѣти, угасаютъ матросы. А я только *разсуждаю* о добродѣтеляхъ, о долгѣ и смерти. Все это—душевный подвалъ; оцѣпенѣніе; мерзость!

Быть не одному,—вотъ! Одиночество,—вотъ смертельнѣйшій изъ грѣховъ. Пойти и наловить рыбы важнѣе, чѣмъ впотьмахъ рѣшить проблему смерти... Чортъ съ ней!

Писать больше не буду.

Сейчасъ поднимаемся. Слышна глухая, мощная канонада. Въ морѣ идетъ бой».

IV

...На этомъ оборвался дневникъ. Далѣе Андрею Николаевичу писать не было возможности; событія пошли стремительно, да и онъ самъ, выйдя изъ душевныхъ подваловъ, почувствовалъ себя не болѣе какъ быкомъ, выскочившимъ на арену.

«Кэтъ» вынырнула въ бѣлый, клубящійся туманъ. Отъ гула и грохота дрожали берега. Мощные, круглые залпы и взрывы чередовались съ частой трескотней. Казалось, кашляли, дули другъ на дружку, ревѣли морскіе черти. Надъ «Кэтъ» пронеслась ошалѣвшая чайка.

— Андрей Николаевичъ, скорѣе, пора, прорвемся! — повторялъ Яковлевъ, держась за перила, стуча зубами.

Приготовленія были окончены. Сильный вѣтеръ заколебалъ туманъ и погналъ его клочьями, обнаживъ мокрый выступъ скалы. Изъ люка поднялось опухшее съ покраснѣвшими глазами лицо Курицына.

— Готово! — крикнулъ онъ съ такой силой, что напряглись жилы, но голосъ едва былъ слышенъ. Андрей Николаевичъ махнулъ рукой, и «Кэтъ» полнымъ ходомъ вылетѣла изъ залива на волю. Выстрѣлы были сзади и съ правой стороны, путь къ Энскому порту свободенъ.

Все, что выпесли за эти двѣ недѣли, лежа на морскомъ днѣ, Андрей Николаевичъ, Яковлевъ и команда,—отчаяніе, оцѣпенѣніе, смерть наяву и примиренность,—все это преобразилось сейчасъ въ одну волю, и, казалось, мало было стремительнаго бѣга лодки, разрѣзающей туманныя воды на двѣ волны.

Прорваться, привести «Кэтъ» невредимой въ портъ, исполнить только долгъ,—теперь это было слишкомъ ничтожно. Воля требовала *ощутимаго*. Такъ быкъ, что стоитъ посреди арены, медлитъ и дышитъ тяжко, и вдругъ бросается на всадника, чтобы всадить рога.

Андрей Николаевичъ еще колебался; но теперь не отвага руководила имъ, не расчетъ, не увлеченіе, а только *жадность*. Корабли, люди, земля, вотъ-вотъ взлетящее въ пожелтѣвшемъ туманѣ солнце,—все это было «мое», ощутимое, желанное. И то, чего желала душа: разрушить, не казалось разрушеніемъ. Хотѣлось овладѣть, коснуться всего живого (пусть при этомъ взлетитъ корабль), безъ различія, добро ли это, зло, смерть или жизнь. Только одна эта воля бушевала въ немъ,—жажда, жадность, *ощущеніе* всего.

— Нельзя намъ *такъ* уходить, поверните или я застрѣлюсь, — закричалъ въ ухо Яковлевъ, совсѣмъ одичавшій, съ перекошеннымъ землистымъ лицомъ.

Солнце появилось, наконецъ, огромнымъ шаромъ, и подъ туманомъ еще не ясно зашевелилась оранжевая вода. Гдѣ-то близко слѣва гнались, грохотали невидимые корабли. Вѣтеръ усилился. И вдругъ выступила въ облакахъ и дыму сѣрая громада; закуталась, прогрохотала, и яснѣе стали видны очертанія башенъ, трубъ, мачтъ, весь профиль, надъ которымъ плескало знамя съ чернымъ орломъ.

Не сдерживаясь больше, видя, что *можно*, съ перехваченнымъ отъ волненія горломъ, Андрей Николаевичъ прыгнулъ въ люкъ, сбилъ съ ногъ Яковлева и самъ сталъ заряжать минный аппаратъ. «Кэтъ» опустилась и шла теперь «наперерѣзъ».

Тѣнь непріятельскаго корабля, покачиваясь, скользила

по перископному зеркалу и поминутно покрывалась облаком съ мелькающими въ немъ иглами выстрѣловъ. «Кэтъ» выпустила мину, но она прошла *у того* за кормой. Наклонясь, закусивъ до крови губу, Андрей Николаевичъ разглядывалъ маленькій этотъ тѣневой корабликъ, одинъ снарядъ съ котораго билъ въ непріятельскій бортъ съ силою тридцати милліоновъ пудовъ. «Кэтъ» и корабль сближались, тѣнь его занимала половину стола, и вдругъ начала поворачивать...

— Вторую,—крикнулъ Андрей Николаевичъ.

И въ это время на «Кэтъ» рухнулъ ударъ, раздался трескъ, и зеркальный столикъ погасъ. Андрей Николаевичъ, выскочивъ изъ рулевой будки, крикнулъ:

— Перископъ сбитъ! Полный ходъ впередъ!

Механикъ, ухватившій рычагъ, не оборачиваясь, переспросилъ:

— Куда?

— Впередъ, впередъ, къ чорту!

У миннаго аппарата на корточкахъ сидѣлъ Яковлевъ, крикнулъ что-то и выплюнулъ кровью. Андрей Николаевичъ прильнулъ къ стеклу иллюминатора...

За нимъ крутились пѣнныя струи. И вотъ, заслоняя свѣтъ, показалось темное, корабельное днище. Оно было не дальше, какъ въ десяти саженяхъ. Андрей Николаевичъ скомандовалъ: «Стопъ. Пускай вторую мину. Ходъ назадъ, самый полный!» И закрылъ глаза. Это былъ конецъ всему. Какъ жаль, что пришлось упереться въ днище, а силъ хватило бы на большее.

Андрея Николаевича швырнуло въ коридоръ, приподняло, ударило въ стѣну и потащило внизъ. Крики и трескъ

обшивки покрылись глухимъ грохотомъ падающей воды. Свѣтъ потухъ. «Кэтъ» закрутилась и пошла на дно.

Силой взрыва и воды «Кэтъ» далеко отшвырнуло отъ тонущаго корабля и затянуло на большую глубину. Обшивка дала трещины; текло также сквозь сальники разбитаго перископа. Моторы не работали. Въ общемъ лодка больше походила на поплавокъ, внутри котораго въ темнотѣ стонали и хрипѣли оглушенные, израненные люди. На глубинѣ она пробыла недолго: освобожденная отъ тяжести двухъ минъ, медленно всплыла, немного не дошла до поверхности, остановилась и незамѣтно, по мѣрѣ того, какъ наливалась въ нее сквозь пораненія вода, начала тонуть.

Первымъ очнулся Курицынъ, упавшій на половикъ въ пустомъ коридорѣ; осторожно поднялся на четвереньки, прислушался и поползъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ, чиркая спичками, отыскалъ механика и сталъ тереть ему уши.

Когда это не помогло, онъ подтащилъ кислородный бакъ и открылъ кранъ прямо ему въ лицо.

Механикъ первымъ дѣломъ ухватился за разбитую коленку.

— Ты коленку оставь, — сказалъ Курицынъ, — слышь, какъ вода шумитъ. Тонемъ. Машину наладить можно?

— А кто ее знаетъ, — шопотомъ отвѣтилъ механикъ.

Тогда Курицынъ зажегъ свѣчу и пустилъ кислородъ изо всѣхъ резервуаровъ. Отъ живительнаго, какъ грозовый воз-

ухъ, глаза зашевелились матросы; кто лѣзъ изъ темнаго люка, держась за голову, кто силился подняться и опять падалъ.

Андрея Николаевича нашли въ узкомъ проходѣ, едва вытащили оттуда, но привести въ сознаніе не могли и отнесли на койку, кое-какъ наложивъ повязки на голову и грудь.

Посуетились было около Яковлева и прикрыли куртками и его, и еще двухъ артиллеристовъ, тоже переставшихъ стопать. Курицынъ поставилъ всѣхъ, кто могъ работать, къ ручнымъ помпамъ. Ими до починки машины можно было бороться только съ поступавшей въ трещины водой. Механикъ и двое подручныхъ возились съ моторомъ, стучали ключами, и всѣ съ тоской прислушивались къ этому лязгу.

«Кэтъ» была гдѣ-то недалеко отъ поверхности, но гдѣ,— узнать нельзя, потому что перископъ и указатель разбиты. Отвинтить же люкъ и выглянуть было слишкомъ опасно,— могла хлынуть вода.

Наконецъ, механикъ сказалъ что надо мѣнять цилиндръ,— хватило бы свѣчей. Курицынъ принялся ругать механика, свѣчные заводы, моторы и того, кто ихъ выдумалъ. Затѣмъ напустился на команду у насосовъ и приказалъ околѣть, а поднять лодку хоть на аршинъ. Матросы молчали угрюмо. Наконецъ, погасла послѣдняя свѣча. Механикъ плюнулъ, выругался и бросилъ ключъ. Кто-то сказалъ: «Шабашъ, ребята!» —и помпы остановились.

Теперь слышался только мокрый, однообразный, смертельный плескъ воды, падающей на перископный столъ.

Хриповатымъ голосомъ Курицынъ проговорилъ:

— Идите-ка двое кто за мной, отвинтить надо люки, чѣмъ такъ-то маяться.

Двое, кажется, или трое вслѣдъ за нимъ пробрались ощупью въ коридоръ, влѣзли по отвѣсной лѣсенкѣ къ выходному люку и ухватились за скобы. Кто-то сказалъ: «Да, пришлось». «Молчи, знай свое дѣло»,—отвѣтилъ Курицынъ, И еще кто то вздохнулъ: «Водищи-то чай надъ нами, — вотъ хлынетъ».

И въ это время наверху раздались стукъ и шаги. Тамъ были люди. Курицынъ скороговоркой сказалъ:

— Маршъ къ кингстонамъ! Выстрѣлю—открывать! Лодку сдавать не приказано.

Затѣмъ, держа револьверъ въ зубахъ, нажалъ на скобы, крышка подалась и въ щель хлынули рѣзкій свѣтъ и воздухъ.

— Эй, кто тамъ ходитъ?—спросилъ Курицынъ.—Какіе люди?

— Свои, свои,—отвѣтилъ лѣнивый голосъ.

— О, Господи!

Андрей Николаевичъ, ударившись давеча головой о желѣзную стѣнку, увидѣлъ два снопа зеленоватыхъ искръ. Затѣмъ стало темно и глухо. Но одна искорка осталась въ глазу и понемногу стала разливаться въ немигающій свѣтъ.

Онъ былъ ровный и голубоватый. Андрей Николаевичъ долго созерцалъ его.

Затѣмъ началось безпокойство о томъ, что въ свѣту находится что-то постороннее. Хорошо, если бы оно исчезло

и растворилось, но оно не пропадало и было какъ камень...

Не уменьшался и свѣтъ, но не доставлялъ уже прежней радости: постороннее мѣшало ему; приходилось удѣлить много вниманія чтобы узнать, что это такое.

Андрей Николаевичъ сосредоточился и съ удивленіемъ, испугомъ, тоской понялъ, что постороннее это—онъ самъ.

Тогда свѣтъ превратился въ простую синеватую лампочку надъ койкой, а тѣло Андрея Николаевича начало болѣть во многихъ мѣстахъ. Когда же онъ почувствовалъ крутую качку миноносца и стукъ его машины, то попробовалъ повернуться, застоналъ и погрузился въ живую темноту сна.

Такъ началось медленное его возвращеніе къ жизни.

«Кэтъ» шла на буксирѣ за миноносцемъ. На кубрикѣ его Курицынъ, растопыривъ пальцы, а въ другой рукѣ держа стаканчикъ, разсказывалъ разинувшимъ ротъ матросамъ про битвы и подвиги; при этомъ старался не хвастать и не врать, но это ему удавалось плохо,—слишкомъ крѣпокъ былъ въ стаканчикѣ ромъ, да и кромѣ того давеча командиръ миноносца, капитанъ второго ранга Громобоевъ, лично хлопнулъ Курицына по плечу, нѣкоторое время поминалъ всѣхъ чертей, затѣмъ своихъ и Курицына предковъ и сказалъ подъ конецъ самую суть: «Молодецъ! Представлю!»

Съ высокихъ носилокъ, качавшихся на плечахъ четырехъ матросовъ, Андрей Николаевичъ глядѣлъ на свѣжее, синее небо, на черепичныя, очень красныя крыши домиковъ.

кудрявыя деревца, уходящія въ гору, съ обѣихъ сторонъ чистенькой мостовой.

Большая толпа окружала носилки, но Андрей Николаевичъ видѣлъ только шапки, шляпы и перышки. Курносая, осклабленная рожа поднялась въ уровень его лица, сказала: «живой», и скрылась. Кто-то неподалеку заговорилъ; толпа затихла и вдругъ зашумѣла, точно вѣтеръ налетѣлъ, и на грудь Андрея Николаевича упалъ пучокъ бѣлыхъ гвоздикъ. Онъ закрылъ глаза, утомленный теплымъ, точно печенымъ запахомъ земли. «Дорогу, дорогу, дорогу!»—повторяли матросы.

Когда улица, ведущая въ гору, завернула, онъ опять открылъ глаза и, преодолѣвая подъ повязкой боль, раздвинулъ губы въ улыбку. На овальномъ, темнѣе неба, заливѣ лежали военные корабли; недалеко отъ сходенъ виднѣлись остатки мачты и разбитый мостикъ *родной* «Кэтъ». Большая толпа въ искоркахъ небеснаго свѣта казалась яркочерной. Отъ нея ползли въ гору девять носилокъ. И нежаркое, хрустальное солнце дѣлало особенно отчетливыми деревья, домики, людей и корабли въ заливѣ, лежащемъ, какъ зеркало, у подножія городка. Это была уютная старая земля, съ печами и надежными разговорами.

Андрея Николаевича положили въ лазаретѣ въ отдѣльную комнатку, задернувъ на длинномъ и низкомъ окнѣ бѣлыя занавѣси. Онѣ пропускали молочный свѣтъ и шевелились отъ вѣтра, а по вечерамъ ложился на нихъ тѣневой переплетъ рамы. Улица—тихая, рѣдко протарахтитъ экипажъ, пройдетъ неспѣшно прохожій. Да слышно, какъ вдалекѣ, въ гавани печальный рожокъ играетъ зорю.

Просыпаясь, Андрей Николаевичъ слушалъ эти звуки,

отдаленный говоръ, шелестъ листьевъ, умоляющій вальсъ шарманки; сквозь полузакрытыя вѣки глядѣлъ на теплую штору, и пробужденіе кончалось всегда чувствомъ блаженнаго покоя...

Онъ видѣлъ много сновъ: то какую-то усадьбу, съ прудами и подсолнухами, то вѣтряныя мельницы на бугрѣ, то шалашъ караульщика, себя ростомъ въ аршинъ, и кругомъ желтыя, спѣлыя дыни. Разбуженный, — пилъ бульонъ и спѣшилъ вновь закрыть глаза, чтобы подъ звуки и шорохи снова задремать.

Затѣмъ сны перешли въ воспоминанія не близкаго прошлаго, а какихъ-то давно забытыхъ маленькихъ случаевъ, получившихъ теперь большое значеніе. И воспоминанія, какъ и сны, были пронизаны голубоватымъ свѣтомъ, отнимавшимъ у вещей грубость и тяжесть; отъ этого онѣ становились особенно отчетливыми и значительными. Это было то же чувство, когда онъ глядѣлъ съ носилокъ на городокъ и гавань.

Наконецъ, Андрей Николаевичу позволили сѣсть на постели и въ первый разъ отдернули штору. На той сторонѣ улицы онъ увидалъ два тополя; между ними—одноэтажный домикъ и синюю вывѣску «Табачная лавка». У дверей стоялъ хозяинъ въ коричневомъ жилетѣ, сѣдой человѣкъ, и курилъ трубку. Мимо шла дѣвочка съ косицей, въ веснушкахъ и грызла яблоко, должно быть, кислое, потому что дѣвочка крѣпко жмурилась.

Андрей Николаевичъ окликнулъ ее. Она влѣзла вмѣстѣ съ яблокомъ на подоконникъ, раскрыла ротъ, глаза и подняла рыжія бровки. Онъ попросилъ сбѣгать въ лавочку купить бумаги и конвертъ.

«Милый, добрый человѣкъ, Татьяна Александровна, — писалъ онъ на слѣдующій день,—теперь начинаю понимать, что я совершилъ кругосвѣтное путешествіе и вновь возвратился къ вамъ. Казалось, я не думалъ о васъ все это время, но вы присутствовали незримо, были со мной и на днѣ моря, и въ битвѣ, и въ послѣднемъ отчаяніи; я угадывалъ васъ въ утренней зарѣ и въ закатѣ, и въ веселомъ прыжкѣ дельфина изъ волны въ волну. Во всемъ: и въ жаждѣ, и въ тоскѣ по чему-то близкому и утерянному, вы (или, вѣрнѣе, то, что возникло между нами въ липовой аллеѣ, отъ чего, не понявъ, я легкомысленно бѣжалъ въ поискахъ приключеній) указывали мнѣ единственный вѣрный путь, — заглянуть въ себя, измѣрить призрачную, смертельную пустоту одиночества и отказаться отъ себя навсегда; покуда я одинъ,—меня нѣтъ, я —глухой, ослѣпшій, безкровный призракъ! Теперь я понимаю: «блаженны нищіе духомъ». Но лишь тѣ блаженны, кто вернется на землю для любви; удивительна земля и чудесно будущее. Милый другъ, я только сейчасъ начинаю жить, а уже сердце полно невыразимымъ чувствомъ, — какимъ, еще не знаю. Благодарю васъ за доброту и за строгость».

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1971 г.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

№ №

1. **Ив. Бунинъ.**—На край свѣта.-Кастрюкъ. 20 к.
2. — На чужой сторонѣ.-Танька. 20 к.
3. **С. Елпатьевскій.**—Гекторъ. 15 к.
4. **Н. Златовратскій.**—Мечтатели. 40 к.
5. **Н. Никандровъ.**—Береговой вѣтеръ. 25 к.
6. **А. Серафимовичъ.**—Въ бурю. 15 к.
7. — Стрѣлочникъ. 15 к.
8. — На льдинѣ. 15 к.
9. — Подъ праздникъ изд. 2-е. 30 к.
10. **Н. Телешовъ.**—Вѣрный другъ. 15 к.
11. **К. Треневъ.**—Шесть недѣль.-Омелько. 25 к.
12. **С. Елпатьевскій.**—„Отдетаетъ мой соколикъ“ изд. 2-е. 20 к.
13. **В. Вересаевъ.**—Звѣзда. 15 к.
14. **Ив. Бунинъ.**—Весенній вечеръ. 15 к.
15. **В. Вересаевъ.**—Лизаръ.-Къ спѣху. 15 к.
16. **Г. Яблочковъ.**—Старикъ Пѣтуховъ. 25 к.
17. — Горбатый Карлъ. Смерть Мюллера. 15 к.
18. **Ив. Шмелевъ.**—По приходу. 15 к.
19. — Какъ надо. 15 к.
20. — Лѣсъ. 15 к.
21. **В. Вересаевъ.**—Въ степи. 15 к.
22. **Н. Тимковскій.**—Мѣсто. 25 к.
23. **В. Короленко.**—Черкесъ. 30 к.
24. „ На затменіи. 40 к.
25. **А. Серафимовичъ.** Заяцъ. 25 к.
26. **И. Сургучевъ.** Преддверіе. 25 к.
27. **К. Треневъ.** Въ станицѣ. 35 к.
28. **Ал. Толстой.** Месть. 25 к.
29. **А. Кипенъ.** Ливерантъ. 45 к.
30. **А. Н. Толстой.** На подводной лодкѣ. 45 к.
31. **В. Короленко.** Ночью.
32. **Б. Зайцевъ.** Смерть.
33. **Новиковъ-Прибой.** Разсказъ боцманмата. 35 к.
34. **С. Подъячевъ.** Благодѣтель. 35 к.
35. **Н. Тимковскій.** Вьюга. 20 к.
36. — Стужа. 20 к.

Цѣна 45 к.